

Солженицын А. И.

07.8.01

СОЛЖЕНИЦЫН ВЛЕЗ В ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Много шума вызывает первая часть двухтомника Александра Солженицына "Двести лет вместе" — о двухвековых русско-еврейских взаимоотношениях. Зачем нобелевскому лауреату было браться за эту неблагодарную тему? Все равно ортодоксальные евреи и журналисты, избранные антисемитизмом темой своих частых выступлений, назовут книгу антисемитской, а русские дуболовы даже не захотят ее открыть по простой причине — мозг тех и других давно поразила предвзятость, они не готовы объективно и спокойно обсуждать эту проблему.

Солженицын с отвагой Геракла расчищает завалы в нашей истории. На этот раз великий труженик написал работу, непредставимую для русского писателя: по крупицам собрал свидетельства для установления истины, пытаясь склонить два народа к объективности по отношению к самим себе.

Достоевский признавался, что еврейский вопрос "не в его размере". Солженицыну этот огромный размер оказался по плечу. Вот что он сам говорит о своем новом труде: "Я не терял надежды, что найдется прежде меня автор, кто объемно и равновесно, обе стороны осветит нам этот каленый клин. Но чаще встречаются укоры односторонние, либо о вине русских перед евреями, даже об извечной испорченности русского народа — этого с избытком. Либо, с другой стороны: кто из русских об этой взаимной проблеме писал, то большей частью запальчиво, переклонно, не желая и видеть, что бы зачесть другой стороне в заслугу".

Увы, приходилось слышать от людей, считающих себя интеллигентами, мнение, что Солженицын — антисемит. Книга написана, может быть, с излишней отстраненностью. Автор предоставляет возможность говорить еврейским писателям, публицистам, философам. Во много раз меньше он ссылается на русские источники. Например, о гомельских событиях 1903 года, которым предшествовало "празднование казни Александра II, организованное гомельским комитетом Бунда", автор пишет, ссылаясь на судебное заключение. А оно свидетельствовало, что "погром был обоюдным".

Он как на духу говорит: "Искренне собираюсь

понять обе стороны. Для этого погружаюсь в события, а не в полемику".

Солженицын доказывает, что оба народа не имеют органической ненависти друг к другу, не несут стремления сократить друг друга и сжить со света. Он на фактах убеждает: задача любого народа объяснить самому себе, почему он совершает те или иные — благие или безнравственные поступки.

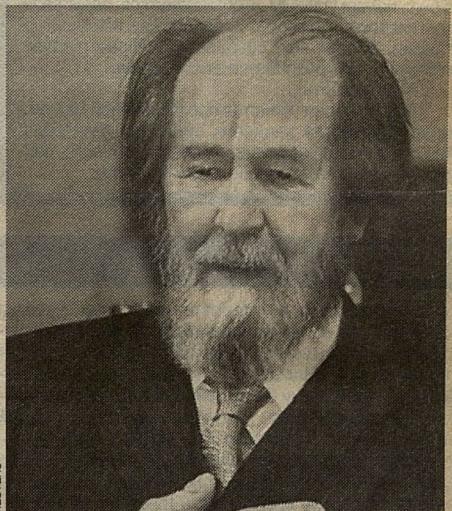
Что получается на практике? Историки и философы сошлись на общем впечатлении: когда сегодня русский и еврей начинают говорить об этой проблеме, дело обычно заканчивается руганью: "Ты антисемит(ка)". Эта фраза всегда наготове у не желающих даже выслушать иные доводы.

Любопытно — одни и те же факты о погромах по-разному оценивали век назад и сейчас. М.Рейзин в своей работе утверждает, что погромы одного 1881 года привели к "изнасилованию женщин, убийству и искалечению тысяч мужчин, женщин и детей". Но в старой Еврейской энциклопедии записано, что в Балте в 1881 году "убит один еврей, а ранено несколько". В новейшей Еврейской энциклопедии эти потери зачем-то гиперифицированы. Совершенно справедливо писатель замечает по этому поводу: "Погромы — слишком дикая и страшная форма расправы, чтобы еще манипулировать цифрами жертв".

Солженицын приводит достаточно аргументов, что часто подстрекателями погромов выступали народоволцы, насяждаю свою идею революции. Еврейские молодые революционеры, как и русские, были захвачены всемирными идеалами — освободить человечество от бедности и рабства. Народоволцы, убившие Александра II, были воспитаны на русской литературе, и то, что Столыпина убил еврей Багров, ничего не меняет. Главное здесь не национальная принадлежность. Русский мыслитель Владимир Соловьев, глубоко сочувствовавший евреям, предлагал преодолеть обособление евреев любовью русских к ним. Но в жизни все складывалось сложнее.

Так, в Еврейской энциклопедии записано, что во время русско-японской войны 1904—1905 гг. крупнейший еврейский финансист Яков Шифф предоставил Японии заем в 200 млн. долларов и исполь-

REUTERS

зовал свое влияние, чтобы удержать и другие фирмы от размещения русских займов. Естественно, на эти факты ссылается Солженицын. Глубоко личные переживания писатель вкладывает в рассуждения о русском национальном подъеме в годы Первой мировой войны. Русские студенты бросали университеты и шли на фронт, а тем временем еврейские мальчики заполняли опустевшие аудитории. "Да, вот и мой отец — покинул Московский университет, не доучась, добровольно пошел воевать. Тогда казалось — жребий влечет единственно так: нечестно не идти на фронт". Молодые евреи выбрали иной жребий — науку. И Солженицын за это никого не осуждает. Каждому свое.

Знаменитый философ Георгий Гачев, известный метафорист и блестательный исследователь, нашел определение для книги нобелевского лауреата: "Книга — Эверест творчества Солженицына". А о нем сам он сказал: "Солженицын — наш поводырь". Право личности выбирать своих поводырей.

Первый том Солженицына разошелся сразу. Издательство "Русский путь" уже печатает третий тираж — так много желающих прочесть эту вещь. Вторая часть книги близка к завершению. Наталья Солженицына сверяет и перепроверяет цитаты и факты. Ее участие в создании двухтомника неоценимо.

Наталья ДАРДЫКИНА